

Об одном эпизоде биографии Мандельштама

Речь идет о московской поездке Н. Я. Мандельштам конца 1935 — начала 1936 года, которая отразилась в серии ее писем к поэту. Эти письма после окончания работы Н. Я. Мандельштам над «Второй книгой» были ею переданы одному из молодых друзей, который любезно ознакомил меня с их содержанием. В настоящее время письма готовятся к публикации.

Первое из них послано в санаторий в Тамбов 23 декабря 1935 г. — вскоре после того, как Мандельштам из Воронежа направил в Союз писателей большое заявление об изменении места ссылки по причине болезни с приложением стихов, каковые он рассматривал как документ личной перестройки, который может быть оглашен на минском пленуме в предстоящем году:

«Основное дело: я жду Щербакова.<...> На что ориентироваться? На Крым? Мне кажется да. Пиши мне. Здесь была Н<ина> Н<иколаевна>.¹ Я ее раз видела. Она говорит, что купить дачку — от 1½ до 3 тысяч. <...> Нужно поговорить со Щербаковым. Это я знаю твердо. Если еще с кем говорить, то только в форме заявления, а это уже сделано тобой. Иначе нельзя.

С работой — Луппол очень хочет дать работу, но Данилин поднял скандал и охаял Мопассана. Их тенденция: упрощительство — как раз противоположная тенденции соседнего отдела, на который я делала Маргерита. <...> Этот Данилин — гадина, каких мало. Но что делать? Очень мелко ссориться с ним. Я просто плюнула.

© Roman Timenchik, 2014

© TSQ № 47. Winter 2014

¹ Нина Николаевна Грин (урож. Миронова; 1894—1970) — жена Александра Грина, у которой Мандельштамы гостили в апреле 1933 г.

<...> Стихи видели Сергей Ант<онович Клычков> и Викт <ор> Бор<исович Шкловский>. Оба захлебываются. Передала их в «Красную новь». Мариэтта на Кавказе. Асееву не посылала. Рука не подымается. Передали Щербакову. Пастернак знает, что я здесь, но не звонил. Я тоже не звоню. Ну его... В общем, дела очень мало».

Перевод романа Виктора Маргерита «Вавилон» («Babel»), дававшего широкую панораму международной политики на 1933 год,² вышел в апреле 1935 г., а 3 марта 1935 г. И. К. Лупполом был подписан договор с Н. Я. Мандельштам и отсутствовавшим О. Э. Мандельштамом на перевод Г. де Мопассана для собрания сочинений: «Иветта», размером 7, 5 печ. л., сдать 1 августа 35 г. по 150 р. за п. л., при тираже 5000 экз.; издательство обязуется издать в количестве 10.000 экз.; перепечатка за счет переводчика.³

«Иветта» — название сборника, куда, помимо одноименной повести, входили еще новеллы «Возвращение», «Покинутый», «Взгляды полковника», «Прогулка», «Махмуд-Продувной», «Сторож», «Берта». Их переводила Н. Я. Мандельштам. Самую повесть переводил О. Э. Мандельштам в апреле 1935 г. Этот перевод, подписанный именем Н. Я. Мандельштам (вернее, «Н. Мандельштам») и под редакцией Б. В. Горнунга был разрешен Главлитом к набору 22 июня 1937 г. для полного собрания сочинений Мопассана под общей ред. Ю. Данилина и П. Н. Лебедева-Полянского. На обложке наборного экземпляра стояло: «Москва, 1938»⁴, но света этот том не увидел. В него вошли переводы всех рассказов из сборника «Иветта», а не только тех, которые в 1940—1960-е гг. печатались под именем Н. Я. Мандельштам. Мандельштамоведам когда-нибудь предстоит решать вопрос о включении перевода повести

² Ср.: «Я спешно перевела какой-то гнусный роман...» (Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., 1989. С. 128). К. Е. Вдовин, сын хозяина квартиры на 2-й Линейной улице, где жили в 1935 году Мандельштамы, вспоминал, как с гонорара за перевод «Вавилона» они купили троиm хозяйским детям конструктор (Гордин В. Л. Мандельштамовский Воронеж // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж. 1990. С. 56).

³ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 3. Ед. хр. 7.Л. 95—96; Ф.1893. Оп. 3. Ед. хр. 378.

⁴ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 7154.

в гипотетический полный корпус сочинений, написанных рукою Мандельштама. Во всяком случае, в состав стихотворных переводных текстов поэта могут войти четыре строчки из повести — голос г-на де Бельвиль там поет:

Я под окном... нет силы!
Явись мне, ангел милый!

А также в финале напевают:

Мужчины, женщинам не верьте:
Доверчивость опасней смерти.

Что касается напрашивающегося для литературоведения вопроса о следе, который оставила эта работа в т. н. творческой лаборатории поэта, то укажем на одно место, впрочем, поистине общее. Как известно, Н. Я. Мандельштам запомнила строку из недописанного стихотворения: «В Париже площадь есть — ее зовут Звезда» (рифмовалось это с «машин стада»), предположительно 1937 года. Можно гадать о контрастной соотнесенности площади Звезды и мотива Красной площади как центра мира — мотива, который едва ли не преследовал Мандельштама в эти годы. Но в «Иветте» есть фрагмент светской пикировки, возможно, бывший для поэта еще одним напоминанием о создании барона Османа: «Вы уязвлены присутствующим здесь бароном Савалем? — Нет, он слишком монументален. Мне будет казаться, что я люблю триумфальную арку на площади Этуаль».

В связи с вопросом о качестве перевода, поставленным Юрием Ивановичем Данилиным (1897—1985), историком французской революционной литературы, заметим, что трудно судить о справедливости этих претензий: все, что мы имеем, — это текст, уже прошедший через редактуру Б. В. Горнунга. Некоторые огрехи, впрочем, исправлялись еще на последнем этапе, в наборном экземпляре.

Например, «если же их [любовников] не было, я беру первый номер, как в трамвае» — исправлено на: «первый номер, как на конке». Анахронизм устранен, но галлицизм «беру пер-

вый (в смысле: первый попавшийся) номер» остался. И такие «недопереведенные» места, которые могли бы развернуться в эффектные мандельштамовские эпитеты (вроде «слишком пятнающих сближений»), попадают в текст, чего не могла не видеть и Н. Я. Мандельштам. В обрывке (единственно, к сожалению, сохранившемся) одного из последующих писем к мужу мы читаем, ее, по-видимому, «воображаемый разговор» с Иваном Лупполом, директором ГИХЛа:

«...у него свой подход и он от него в переводе отказаться не может. И переводами он зарабатывать не может. Зарабатывать он может только *своим литературным трудом*: печатайте стихи, а не критикуйте переводы. Вообще переводчика Манд<ельштама> нет, а есть писатель М<андельштам>. У него шершавый Мопассан? Нет легкости и гладкости. Факт, что нет. М<андельштам> сам не легкий и не гладкий. В чужих шкурах ходить не умеет. Вот я — я переводчица — я умею... Попробуйте только охаять рассказы. А переводческую склоку заводить глупо и мелко. Гораздо лучше признать, что ты плохой переводчик. Мне все предлагают то фунт Малларме, то кило Бодлера. Тут же у Луппола в кабинете предлагают. Я говорю: что вы! Мандельштам абсолютно не умеет переводить стихов. Он 3 сонета Петрарки делал 2 месяца — позаработал бы по 30 р. 50 к. в месяц. И вы бы забраковали за неточность. Где ему! Он даже Мопассана перевести не сумел. Вы лучше к Колычеву обратитесь или к Бродскому...⁵

Вот стихи его я в Красную Новь передала, а переводы — это слишком сложно.

Ей богу, сильнее, чем отстаивать роскошный перевод, требовать справедливости и признания и т<ому> п<одобные> глупости. Они поневоле признают переводчиком меня, а о тебе — должен быть поднят вопрос о твоём печатании во всей глубине. Во всяком случае — никакой псевдо-литературы. Сейчас все вопросы подняты и поставлены с достаточной точностью и остротой.

⁵ Колычев (Сиркес) Осип (Иосиф) Яковлевич (1904—1973) и Бродский Давид Григорьевич (1895—1966) — поэты-переводчики.

Так или иначе, получим ответ. Считай, что Старый Крым — реален — отличное лето. А там видно будет.

Я, в общем, сейчас собой довольна — сделала и делаю все, что можно. А дальше — только покориться неизбежности... И жить вместе в Крыму, никуда не ездить, ничего не просить, ничего не делать. Это мое, и я думаю, твое решение. Вопрос в деньгах, но и он уладится.

Может, придется жить на случайные присылы. Тоже лучше, чем мотаться. Правда? Никогда я еще так остро не понимала, что нельзя действовать, шуметь и вертеть хвостом».

Пастернак — который «не звонил», как сказано в письме от 23 декабря, — конечно, одна из главных целей поездки. Как потом вспомнила Н. Я. Мандельштам, в конце 1935 года было предложено Абрамом Эфросом обратиться к Пастернаку с просьбой ходатайствовать за Мандельштама⁶ — после недавнего опыта пастернаковского удачного заступничества за арестованных Н. Пунина и Льва Гумилева.

О Пастернаке немного позднее, уже в новом году, 2 января 1936 г. Н. Я. Мандельштам писала:

«Такой богатой, мирной, спокойной и веселой Москвой я еще никогда не видела. Даже меня она заражает спокойствием. <...> Вчера видела Всеволода.⁷ Соня мне звонила 10 раз, пока я собралась зайти (вполне сознательно).⁸ Большое впечатление от стихов. Особенно: черноем, день стоял о пяти головах, и венки.⁹ Цитируют.

⁶ «Эфрос предлагал написать Сталину. Без Пастернака было нельзя. Пастернак отказался» («Любил, но изредка чуть-чуть изменял»: Заметки Н. Я. Мандельштам на полях американского «Собрания сочинений» Мандельштама. Подгот. текста, публ. и вступ. заметка Т. М. Левиной. Примеч. Т. М. Левиной и А. Т. Никитаева // *Philologica*. М., 1997. Т. 4. С. 180).

⁷ Имеется в виду Вс. Вишневский.

⁸ Вишневецкая Софья Касьяновна (1899—1963) — художница, киевлянка, товарка Н. Я. Мандельштам по учебе у А. А. Экстер, жена Е. Я. Хазина, брата Н. Я. Мандельштам, потом — жена Вишневецкого Всеволода Витальевича (1900—1951) — писателя.

⁹ Стих. «Не мучнистой бабочкою белой...».

Вернее он цитирует. Спрашивает, куда я сдала стихи. Расспрашивает. Волнуется, читая заявление.

Он сейчас сильно у дел. Один из заправил. Я ничего его не просила. Наоборот, говорила, что хлопоты — нелепая и ненужная вещь. Он сам взялся выяснить, что могут сделать для тебя, вернее с тобой. Это очень показательно.

Сонька очень мила.

Радуюсь, что не вижу Пастернака.

Вчера в Известиях были его стихи. Чуть ли не после 5 лет молчания. Может, он тоже възграет, как ты после своей пяти<етки> молчания? Только непохоже».

Н. Я. Мандельштам не уточняет, чему посвящены стихи в «Известиях» от 1 января 1936 г., — адресат должен был к моменту получения письма прочесть их и, пробираясь сквозь высокое косноязычье, узнать, что автор этих стихов

...понял: все в силе,
В цвету и в соку,
И в новые были
Я каплей теку.

...И смех у завалин,
И мысль от сохи,
И Ленин, и Сталин
И эти стихи.

А также во втором стихотворении—

А в те же дни на расстоянье
За древней каменной стеной
Живет не человек, — деянье,
Поступок ростом с шар земной.

...Но он остался человеком
И если, зайцу вперерез
Пальнет зимой по лесосекам,
Ему, как всем, ответит лес.

И этим гением поступка
Так поглощен другой, поэт,

Что тяжелеет, словно губка,
Любою из его примет.

Стихи Пастернака, потом откликнувшиеся в мандельштамовской «Оде Сталину»,¹⁰ рассчитывали как на узнавание «примет» гения поступка ограниченным кругом людей, так и на общечитательское опознание неназванных прямо, но близко обступивших обстоятельств. Под первой «приметой», рассчитанной на круг друзей Пастернака, я имею в виду мотив охотника. Комментаторы Пастернака обычно сообщают, что любовь к охоте — это черта Н. Бухарина, заказчика этого стихотворения. Мне кажется, что «пальнуть» мог и сам герой этого стихотворения. Напомню эпизод, известный по устному рассказу друга Пастернака — Бориса Пильняка, зафиксированному обычно добросовестной мемуаристкой:

«Пильняк рассказывал: «Поехали мы тесной компанией за город. Кутежи часто бывали в усадьбе богача (назвал фамилию). Обычно пили-ели мы ночь напролет, а потом расходились по комнатам с женами или с подругами. Свободные были нравы! И вот, помню, просыпаюсь утром от выстрелов, гляжу в окно, а по аллее в парке Сталин бродит с ружьем и воробьев стреляет. «Зачем воробьев бьешь? — кричу ему, — ведь жалко!» А он небрежно, лениво мне в ответ: «А они маленькие!» И поднял ружье, прицелился да как выстрелит! Да, вот такой человек!»¹¹

А из общепонятных обстоятельств, отраженных в стихотворении, — разрешение новогоднего праздника в конце 1935 г.¹² Именно об ново-новомодном настроении и говорится в начале этого письма: «Такой мирной, спокойной и веселой Москвы...» О Пастернаке есть и в последующих письмах:

¹⁰ Freidin G. A Coat of Many Colors. Osip Mandelstam and his Mythologies of Self-presentation. London, 1987. P. 264—266.

¹¹ Лещенко-Сухомлина Т. Долгое будущее. СПб., 1993. С. 270.

¹² Флейшман Л. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. М., 2005. С. 383.

«Пастернак должно быть знает, что я здесь, но молчит. Я рада.

Клычков пьет. Викт<ор> Бор<исович> — читает стихи. Волнуется».

«Вчера встретила Бориса Леонидо<вича>. Он из новатости не выходит. Да как вы, да что вы? Да не сердитесь ли вы с Осей на меня? Да способны ли вы меня простить?»

Эти ламентации меня забавляют. И доказывают правильность обращения с ним.

<...> Сегодня накричала на Маркиша¹³ на тему — причем здесь Пастернак».

В этом же письме есть любопытная деталь, относящаяся к уже упомянутому А. М. Эфросу, отношения с которым у Мандельштамов также были и долгими, и тесными, и сложными:

«Кстати, сейчас идет всесоюзное совещание переводчиков. Вчера Абрам Маркович сказал с эстрады, что лозунгов <так!> всех переводчиков должны быть два прекрасных стиха такого-то поэта: „и снова скальд чужую песню сложит и, как свою, ее произнесет“.¹⁴

Мне об этом уже звонило десять человек. Молодец Абрам».

Стихи, которые Н. Я. Мандельштам привезла в Москву, отдавала в журнал «Красная новь» и показывала Клычкову, Шкловскому, Вишневскому, планировалось предъявить тогдашнему начальнику союза писателей А. Щербакову как творческий самоотчет к предстоявшему пленуму Союза писателей в Минске. Но, как сообщает Н. Я. Мандельштам в письме от 28 декабря 1935 г.:

«Щербаков просил меня поговорить с Марченко. Дело в том, что Щербаков, по всей видимости, из Союза уходит. Пришла я к Марченко. У него на глазах была по-

¹³ Маркиш Перец Давидович (1895—1952) — еврейский поэт.

¹⁴ Из стихотворения О. Мандельштама «Я не слышал рассказов Оссиана...» (1914).

волока, и он молил лишь об одном: отложить свидание до следующего утра, на что я согласилась. Ему, очевидно, нужно подготовиться. Это естественно. Между прочим: письма, т. е. заявления он не получал, очень удивился, узнав о нем, и даже улыбнулся. Но где оно? Он обещал до утра выяснить и высказал предположение, что оно лежит в областном отделе и спит. Это называется «скандал».¹⁵ Разговор, как он предполагает, будет длинным и серьезным. Любопытно».

Итак, Иван Александрович Марченко (1902—1941), помощник ответственного секретаря ССП по творческим вопросам. Сын провинциального журналиста народовольческого толка. Мать — швейцарка, преподавательница французского. Он еще знал английский и немецкий.¹⁶ (В ряде публикаций писем Мандельштама он прокомментирован и глухо, и неверно). Находившаяся с ним в весьма близких отношениях писательница Галина Серебрякова вспоминала:

«Он получил хорошее воспитание, знал в совершенстве иностранные языки, был широко образован. Высокий, холеный блондин с лицом англосаксонского типа, он радовал глаз мужественной красотой. Душевная чистоплотность, высокая культура, отзывчивость и сдер-

¹⁵ Здесь кавычками обозначена категория, весьма важная для «домашней семантики» Мандельштамов. Некоторые наблюдения см.: Токер Л. О торможении скандала в «Египетской марке» Мандельштама // Семиотика скандала / Под. ред. Н. Букс. М., 2008. С. 334—344. И мне видится творческая ревность, просвечивающая сквозь осуждение «человеческой, слишком человеческой» интонации есенинского стиха «Какой скандал! Какой большой скандал»:

«— Это же не стихи, — сказал мне Мандельштам с недоумением, — «Какой скандал!» Что же это такое?» (Слонимский М. «Все сопровождалось надеждой...» Из дневников М. Л. Слонимского // Звезда. 1982. № 9. С. 140). Ср. слова Ахматовой о Мандельштаме: «Трудно будет его биографу разобраться во всем этом, если он не будет знать этого его свойства — с чистейшим благородством восставать на то, чем он сам занимался, или что было его идеей» (Лукницкий П. Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. II. 1926—1927. Париж; М., 1997. С. 208—209).

¹⁶ Берельковский И. В. Иван Марченко. Страницы творческой биографии // Записки краеведов. Вып. 7. Горький. 1985. С. 119—126.

жанность снискали ему необходимый авторитет в сложной и повышенно чувствительной среде литераторов».¹⁷

Спустя восемь месяцев после поездки Н. Я. Мандельштам в Москву Марченко был за утрату бдительности, в том числе за организацию творческого вечера Г. Серебряковой, «неразрывно связанной с заклетыми врагами партии и народа», отставлен от работы в Союзе писателей и исключен из партии. Тем не менее уже в 1938 г. он был назначен деканом и завучем в ГИТИС. Погиб в ополчении в сентябре 1941 г.

Специфика муссировавшегося им в разговоре с Н. Я. Мандельштам «критерия «высокого качества», объявленного сейчас «главным звеном» в деятельности Союза писателей»¹⁸, проясняется из практической «эстетической программы» Марченко. До нас дошло его выступление 1936 года с претензиями к редакторам поэтических книг:

«А Луговской разве не отвечает за книжку Долматовского? О Сталине стихи, которые кончаются так: „Седеющий и ласковый грузин“».

Речь здесь шла о стихотворении «О город мой, морозный и косматый...», которое включало в себя монолог туркмена тов. Мамадыша «под строгими бойницами Кремля»:

Он говорит спокойно (от мороза
Морщинок больше на его лице):
«Две тысячи ударников колхозов,
И я среди них, — сидели во дворце,
Нас жить учил и счастьем нагрузил
Седеющий и ласковый грузин.
Плыла трибуна капитанской рубкой,
Когда он подымал свою ладонь,
Не только в маленькой горячей трубке,
В глазах у каждого пылал огонь.
На съезд пришел я в шелковом халате,

¹⁷ Серебрякова Г. И. Смерч // «Дело №...». Летопись горького времени: повести, рассказы, статьи, очерки и стихи. — Алма-Ата, 1989. С.15.

¹⁸ Флейшман Л. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 363.

А был батрак — и батраком рожден.
Вчера в кремлевской золотой палате
Снимался я на карточку с вождем...»

О другом стихотворении, «Внизу проходит поезд. В светлом громе...», он заметил: «Все стихотворение ужасное на 28 стр. Нужно было печатать такую книжку?» В названном стихотворении, где фамильярным, видимо, показалось финальное поминание «всесоюзного старосты», описан в фантастических комбинациях «дневной остаток» в снах усталых метростроевцев: голубая фея в тяжелых резиновых сапогах, осинные гнезда, похожие на табачный пепел, а в синеватом автогене встают марсианские фигуры.

А люди спят, не слыша телефонов.
Куда их сны сумели увести?
В углу стоят тяжелые знамена,
И золото на бархате блестит,

Как хорошо быть в целом мире — дома!
Автомобиль приглушенно гудит,
И так проходит секретарь парткома,
Чтоб никого из них не разбудить.

Уже светлеет. Лампочка устала,
Накрытая бумагою, гореть,
И рот наполнен привкусом металла,
И сна уж не удастся досмотреть.

Вошла уборщица в косынке снежной,
Завязанной по-детски и смешной,
И слов ее украинская нежность
Всю комнату наполнила весной.

Она внесла морозные газеты.
Ребята их раскрыли. Тишина.
Они увидели свои портреты,
Калининскую подпись. Ордена.¹⁹

¹⁹ Долматовский Е. День: Книга стихов. М., 1935. С. 27—28. Поэт Владимир Луговской сменил при работе над этой книгой умершего Э. Багрицкого.

В этом монологе Марченко продолжал: «Или стихи Казарновского? Разве Плиско не отвечает за них?»²⁰ Конечно, отвечает. В этой книжке содержатся чудовищные вещи».

Марченко оскорбленно цитировал «Зверинец», начинающийся с игривой манипуляции статьями советских конституций о лишении избирательных прав и в дальнейшем развивающий двусмысленную тему лишения свободы (при том, что Ю. Казарновский до того отбыл срок в Соловецком концлагере):

День выходной избрав,
В зверинец иду (специально
посмотреть на лишенных прав
по причинам не социальным)...

Сколько чудес!
Вот слон, например,
всегда вызывал мое удивление:
огромный такой,
а влезает в размер
даже недлинного стихотворенья.

Ежа ошетинен
колючий клубок —
будто в военные годы глобус.
В необъятном раздумье
стоит носорог,
как чуть похудевший автобус.

Цветною остротой
висит попугай.
Жизнь попугая
нигде не бесцветна:
Как освежает мартышечий хай,
Сколько бы не было лет нам!

Кому-то
любовно состроив глаза,

²⁰ Плиско Николай Гаврилович (1903—1941) — редактор, литературовед, автор работ о творчестве Маяковского.

Кого-то
обдав негодующим взором,
Обезьяна
показывает
зад,
Повисший
красным
огнем светофора.

Другая не в силах
триумфа простить!
Разнять их теперь —
куда вам...
Подвыпивший дворник
их хочет разлить
лежащим вблизи
удавом.

А удав лежит —
Кишка поливна-а-а-я,
Не существо —
круговое сходство.
(Кстати:
первый, какого я знаю,
агитатор кролиководства).

Может, сто метров
Может, сто пять.
И каждый —
одно и то ж.
Никогда удав
не посмеет сказать,
что он сам на себя не похож.

В бассейне, купаясь, плывет
бегемот —
гипербола с шумной одышкой.
И зад
и перед
— все зад-наперед.
Не зверь — а сплошное слишком.

Вот вылез на сушу, — огромный,
как ров.
Минуту сопит понуро,
а потом поднимает
такой рев,
как будто с оркестра
сдирают шкуру!

— Маня! За мною
(случай лови!),
здесь ты увидишь
легко и недлинно,
снова лицо
своей первой любви
на заумном хвосте
павлина!
« — Папа, верблюдов роняют в детстве
Или горбы от других последствий?»

« — Двуглавый орел! —
это что ж здесь творится?»
Сеня, ты пьян —
У тебя и двоится...
«Может, и пьян.
Ты, Сереженька, прав» —

А вот
воздвигнут
жираф.
Шея —
длиннее
не может
быть.
Осуждаем жирафий стиль мы:
Человеку такому
пришлось бы носить
вместо кашне
два больших кинофильма.

Мрачен, как туча,
сибирский медведь,
память не выели
пленные годы:
Эх бы черным пожаром
в тайге захрустеть,
Всей лапой грабастая
мед свободы!

Лев львице рычит:
«Дор-р-рогая, с-е-р-р-ржусь я» —
Но оба глядят
утомленно и жалко
на мир полосатый
от клеточных брусев,
навсегда полосатый —
до смерти, до свалки.

К «чудовищным вещам» Марченко отнес и дававший возможность усмотреть влияние заклеянных советской печатью гротесков Заболоцкого «Джаз-банд»:

Столы. Прохлада лимонада.
И к высшим радостям эстрада
Готова
в сумраке июля.
Встал дирижер, коварно крив.
И вот грохочущий мотив
Упал,
как медная кастрюля.

И звуки ринулись
из клетки
Их долго сдерживавших
Нот.
И-с-т-е-р-и-к-о-й мотоциклетки
Забился
отбивной фокстрот.
Схватив мелодию за косу,
Бил дирижер ее подносом!
Джаз шел с горы...

Лови! Держи!
Он плакал филином и кошкой,
Он падал разливною ложкой,
Он чистил
ржавые ножи.

Похожий с виду
на ошибку
Заперхал
новый инструмент,
Он,
как чихающая скрипка,
Всех озадачил
на момент.
Но вот сквозь грохот, свист и стон
В оркестр входит саксофон.

Войдя с несмелостью
умелой,
Скользит рукою
он по телу:
«О, эти бывшие глаза!»²¹

Таким же голосом запела,
Когда бы петь она умела,
Предстательная железа.
Румяный лысый меломан
Переживает барабан.
В его большом, просторном теле
Качалась водка на качелях.

²¹ Намек на песню «О эти черные глаза...», сочиненную в Риге Оскаром Строком на слова Александра Перфильева, слушая которую расплакался Д. Д. Шостакович (*Шварц Е. Живу беспокойно... Из дневников. Л., 1990. С. 327* (http://imwerden.de/pdf/shwarz_zhivu_bespokojno_iz_dnevnikov_1990.pdf)) и о которой писал в 1934 г. Николай Ушаков в стихотворении «Последний поезд»:

Только пластинка с темными глазами
в международном
журчит одна.
Только пластинка с черными глазами...

(*Ушаков Н. Мастерская. О поэзии и поэтах. М., 1983. С. 274.*)

Джаз рос,
казался он атакой.
Джаз рос,
сидящих оглушив.
Как будто был его мотив
искусан бешеной собакой.
Но вот еще одно стенанье,
Еще последних звуков рвань — и
Оркестр начал замирать.

И тишина встает укором.
Окончен джаз. Но дирижеру
Обратно звуков не собрать!

Они уедут на трамвае,
Чтоб снова жить в собачьем лае,
В бронхитах,
В скрежете зубов,
В ушах дантистов,
Патефонах,
В битье посуды,
сипах,
стонах,
И в нежном свисте дураков!

Наконец, он с гневом демонстрировал портрет нового зрителя и его финальную сентенцию из стихотворения «Ударник в опере»:

И лебеди
нездешней физкультурой
На голубом просторе
занялись,
Легко пльвя
по верху партитуры,
Едва касаясь
пальцами земли.
А он, ударно
перекрыв заданье,
В театр
приведенный Октябрем,

Балета
голубые полыханья
Следил на кресле
плюшевом, своем.

Онегина беспечное
наследство
Он принимал
из кладовой веков.
На приводных
тугих
ремнях оркестра
Текли тела
упруго и легко.

Но вот, колеблясь,
как в ненастье,
весь в легкой дрожи,
как в пуху,
Летит она,
как старший мастер
В своем
порхающем цеху.

«Блистательна,
полувоздушна,
Смычку волшебному
Послушна,
Стоит» Семенова.²²
Полна
Не кровью —
музыкой она.
И легких ног ее
движенья
Стройней
таблицы умноженья.

Взвилась...
Плывет в неверном свете,

²² Цитата из «Евгения Онегина» оборвана перед именем Авдотьи Истоминой; Семенова (урожд. Шелоумова) Марина Тимофеевна (1908—2010) — советская балерина.

Скользит
в певучем серебре...
И раздувает
легкий ветер
Ее лебяжий
ширпотреб.

Чайковский отвергнут, —
ударником не был:
— Я уважаю
и пот, и мечту.
И жареный гусь
и танцующий лебедь
Оба нужны
в настоящем быту.²³

«Это и есть отсутствие большевистской принципиальности. Без большевистского принципиального подхода нельзя редактировать», — указывал Марченко редактору Н. Плиско.²⁴

Как мы видим, эстетическая программа Марченко выражается в охране символов советской государственности, в блокировании самой возможности пародийного, фамильярного, инфантилизирующего остраннения слов-сигналов, имен-сигналов социалистической романтики.

И как напоминание об инфантилизирующей позе рассказчика «Столбцов» смотрелись неуместные «гудочки» из сакрального центра Союза социалистических республик:

Наушники, наушнички мои!
Попомню я воронежские ночки:
Недопитого голоса Аи
И в полночь с Красной площади гудочки...

Ну как метро? Молчи, в себе таи,
Не спрашивай, как набухают почки,
И вы, часов кремлевские бои, —
Язык пространства, сжатого до точки...

²³ Казарновский Ю. Стихи. М., 1936.

²⁴ Стенограмма совещания редакторов художественной литературы 19 мая 1936 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 7. Ед. хр. 9. Лл. 63—64.

Тут, помимо синтаксической двусмысленности, фиксируемой читателями,²⁵ и лексической двусмысленности²⁶, слух высокообразованного оценщика должен был быть оскорблен неуважительной метонимией партийного гимна — звуковыми сигналами перед его исполнением. 29 декабря 1935 года после состоявшегося разговора с помощником по творческим вопросам Н. Я. Мандельштам пишет:

«Осюшенька! Сейчас разговаривала с Марченко. Сразу выиграла позицию, как в шахматной игре: он начал разговор с качества стихов — есть, мол, хорошие, есть и плохие. Вот, например, уменьшительное «гудочки». Очень не нравится. Я сказала, что ты очень ценишь и интересуешься всякой критикой, что если у него есть сложившееся мнение о стихах, пусть он тебе напишет, но что я решительно отказываюсь разговаривать в этом плане: я жена, не писатель, в стихах недостаточно компетентна. И окончательная оценка твоей работы принадлежит во всяком случае не мне. Он слегка смутился. Очень большое (но плодотворное ли?) внимание к бытовым условиям и к болезни. <...> Насчет приезда в Минск он *сомневается*. С ним легче говорить, чем со Щербаковым, потому что он не отвечает «да», а говорит сам».

И спустя два дня, в последний день 1935 года:

«Какой конкретный ответ ты хочешь на эти конкретные стихи? Конкретный ответ — это вопрос о том, можно ли тебя сейчас печатать. Все разговоры о качестве —

²⁵ «3-й стих при любом его интерпретировании не дает удовлетворительного чтения. Если ставить вслед за американскими издателями двоеточие после слова ночки, то родительный падеж голоса Аи окажется в зависимости от попомню; при отказе от двоеточия мы получаем неуклюжее несогласованное определение — воронежские ночки недопитого голоса Аи» (Полякова С. В. Осип Мандельштам. Наблюдения, интерпретации, неопубликованное и забытое. Ardis, Ann Arbor. 1992. P. 128).

²⁶ Об этом писала Дженифер Бэйнз: «'Наушники', meaning both 'informers' and 'earphones'», что могло восприниматься как инвектива братьям-писателям из руководимого Марченко союза (Baynes, J. Mandelstam: The later Poetry. Cambridge, 1976. P. 116).

уклонение от ответа на основное: нужны ли вообще эти стихи? Я не понимаю, что такое «гудочки» плохо, потому что это уменьшительное. Я понимаю другое: мировоззренческий нравственный сдвиг. Нужен он или нет. Входит он в действительность или нет. А «гудочки» — формализм».

В дни очередной годовщины смерти поэта не может не будоражить вопрос о том, что, говоря словами его главного соперника, был «неотвратим конец пути». Эта гибельная эпопея сейчас освещена работой П. Нерлера и Н. Побоя. Видимо, одним из решающих моментов в этой эпопее был день и час, когда Ивана Марченко шокировал уменьшительный суффикс, примененный к площади, где «всего круглей земля» и где живет «не человек — деянье».